

УДК 130.31

*С.А. Маленко***ЯЗЫЧЕСКАЯ И ПРАВОСЛАВНАЯ СИМВОЛИЗАЦИЯ МАТРИАРХАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ СВЯТОСТИ В НОВГОРОДСКОЙ СОФИЙНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ¹**

Статья посвящена изучению эволюции русской ментальности от языческих прототипов к более зрелым, православным идеологическим формам. Доказывается, что взаимодействие этих духовных доминант становится конфликтным только на уровне зрелых институциональных практик. В то же время, обнаруживается их глубинное родство, на основании которого автору впервые удалось выявить архетипический принцип распространения христианства в Древней и Средневековой Руси. Он выражается в совокупности концептов и культурных практик, относящихся к матриархальным началам русской ментальности. Славянский коллективный дух всегда тяготел к символической феноменологии архетипа «Матери», как в официальных, так и в повседневных сферах. В этом смысле, уникальный исторический и культурный опыт Новгородской республики демонстрирует социокультурные преимущества традиционного языческого отношения к Женщине, Земле и Природе. А после принятия христианства именно эти ментальные установки трансформируются в почитании Софии Премудрости Божией.

Ключевые слова: архетип, символизация, ментальность, Мать, софийность, святость, язычество, православие, матриархат.

Несмотря на малое количество сведений о Древней Руси, тем не менее, можно предположить, что матриархальные тенденции в отечественной культуре были достаточно сильными как в ранний период, так и в эпоху Средневековья. Хотя в большинстве случаев эти тенденции существовали и возрождались интуитивно, сами собой, всё-таки само их наличие позволяет констатировать значимость архетипических материнских содержаний для становления православия и древнерусской культуры в целом. Классические психоаналитические исследования усматривают в подобных образах существование социокультурных трендов, основанных на действии архетипа Матери, который опирается на ведущие антропологические, родовые символы. «Мать – это архетип, выражающий вечную и бессмертную, бессознательную стихию, олицетворяющий определенную мистическую причастность первобытного, родового человека к почве, на которой он проживает и в которой содержатся духи его предков» [1. С. 40]. Мать, с этой точки зрения, неминуема, как сама Судьба, но, в то же время, она необъятна, как сама Природа, нежно любящая, но при этом в меру жестокая, требовательная, счастливая и неутомимая дарительница Жизни. Мать – это живительная любовь и одновременно индивидуальный опыт ее переживания, извечная личностная тайна и миф. Образ Матери – это первый значимый архетипический мотив сознания, который создает условия для гармоничного вхождения человека в природу, человеческий и божественный. Поэтому поклонение Богородичным иконам превращается в русском православии в важнейший смысложизненный ритуал, каждодневно и многократно осуществляя который, человек как бы приобщался к коллективным, общечеловеческим представлениям о защите, покровительстве, опеке, любви и гармонии.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в основе годового ритуального цикла находится архетипическая идея вечно творящейся и возрождающейся природы, о чем неоднократно упоминает и В. Топоров, фиксирующий наличие этой тенденции. Сакральной семантикой пронизаны земля, небо, горы, поля, камни, реки, озера, которые персонифицируют еще дохристианские представления о «местах плодоносящей силы», а также выражают родительскую сущность Природы. Первозданная природа Древней Руси становится решающим топосом для духовного восхождения человека к новым онтологическим универсалиям. Подобные жизненные стратегии, которыми изобилует духовная и социальная история Отечества, ценны не социальным их пафосом, включающим общественное одобрение, осуждение, или даже равнодушие, но выражаются в появлении уникальных навыков вслушивания и всматривания в окружающий мир, что, по сути, и составляло предмет молитвенного служения человека миру. Девственная природа является средой, а затем и неременной соучастницей всех божественных и земных событий, позволяя раскрыть драматизм как божественного творения, так и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №16-13-53001 («Материнский» Новгород и «отцовская» Москва: драма софийного и имперского начал в русской ментальности»).

самой человеческой жизни. В силу этого образы природы, небесных светил, животных и растений выступают как средства выражения восторга русского человека перед величием божественного замысла и его тварного осуществления.

Как показал исторический опыт, примитивная и неразвитая, лишь на первый взгляд, традиционная культура оказалась намного более чувствительной к коллективным детерминантам бытия, нежели любые более поздние цивилизованные, индивидуализированные формы. Хотя, с другой стороны, именно в этом и скрывается секрет ее необычайной устойчивости, поскольку сохраняется всегдашняя надежда на возможность не индивидуального, а коллективного возвращения культуры в материнское лоно первозданной природы, «витализируя архетип Матери, одухотворяющий индивидуальные сознания образом всепорождающего и всепереживающего Материнства» [2. С. 71].

Почитание и возвеличивание природы в языческой Руси позволяет установить неиерархический характер взаимодействия человека и среды его обитания. Она еще не отчуждена от человека, и ее мифические персонажи, созданные людьми, будучи проказниками и озорниками, не надстоят над ними, а потому и не олицетворяют зло как таковое. «К Матери-Земле [...] стекаются наиболее таинственные и глубокие религиозные чувства народа. Под красивым покровом трав и цветов люди со страхом поклонялись черным сырým глубинам – источнику всех плодотворяющих сил, кормящей груди природы и месту своего упокоения» [3. С. 25].

Центром религиозных чувств русского славянина испокон веков является Земля, которую, как утверждает Г. Федотов, следует рассматривать в узком смысле как землю хлебопашца, поле, которое лелеет спящее семя. А почитание деревьев, камней, колодцев, воды является неизбежным следствием воплощения общемифологического концепта Матери-Земли как «Вечной Женственности». Она и ее ипостаси не всегда дружелюбны по отношению к человеку, но у наших предков это не вызывало панического страха. Природное пространство всегда внушало робость русскому человеку, а северные леса Новгородской республики и вовсе казались недружелюбными и опасными. В то же время это не мешало им полноценно заниматься собирательством, рыбной ловлей и охотой.

По сравнению с дохристианскими представлениями, православные образы природы в ее различных проявлениях лишь усиливают свою роль в формировании славянской картины мира. Подобная детерминация в большей степени не относится к индивидуальным формам самопознания, но указывает на влияние коллективных настроений, эмоций и чувств, отражающих стереотипные оценки в отношении религиозной и светской культуры. Суровая природа – не только первозданная среда жизни русского человека и пространство его хозяйственной деятельности, как справедливо утверждал С. Булгаков, она также является средоточием Мировой Души, осознание которой открывает для человека возможность стать свободным. Таким образом, практики религиозного или светского познания природы позволили за долгие века сформировать целые комплексы специфических, сакральных и сугубо светских отношений и к самому предмету освоения, его проводникам, и к результатам их деятельности. Вдохновляясь восторгом от созерцания и благоговения перед первозданной природой как начальными этапами освоения архетипа Матери, представители православия на Северо-Западных землях Руси трансформировали свое духовное служение в направлении подвижнически-трудового преобразования природы как этапа непосредственного и активного освоения упомянутых материнских архетипических содержаний.

Именно на этом основании языческие и православные сообщества, которые длительное время сосуществовали на обширных территориях Новгородской республики, непрестанно лелеяли бессознательную надежду на еще один, может быть, последний шанс сродниться с Природой и образовать некую общность, которую можно было бы именовать прообразом будущего Человечества, названного Святой Русью. Безусловно, задавая матриархальные ориентиры в духовном развитии, они неминуемо выходили в сферу индивидуальных и коллективных абсолютов, которые совокупно выражали внутренний закон русской ментальности.

Повсеместность земледельческого образа жизни ложилась в основание многочисленных матриархальных, а впоследствии – и богородичных культов, создавая благоприятные условия для неконфликтного взаимодействия язычества и православия, которые на доктринальном уровне принципиально и демонстративно отличались. Практика почитания Софии Премудрости Божией, сложившаяся на Новгородских землях, наиболее ярко продемонстрировала бессознательно найденную и веками апробированную технологию, «материнской» по своей сути, религиозной веротерпимости. Без нее было бы очень сложно выживать в условиях суровой северной природы и тем более невозможно было бы эф-

фактивно управлять столь разнообразными по этническому, религиозному и социальному составу территориями, которые смог объединить Великий Новгород в эпоху Древней и Средневековой Руси.

Таким образом, органичное переплетение естественности и эстетизма в новгородском восприятии природы становится неотъемлемой чертой русского духовного пути. А познание Матери-природы, в первую очередь, следует рассматривать как особую, сакральную традицию освоения естественных пространств. Они являют человеку величие и монументальность божественного замысла, а с другой стороны, подчеркивают масштабность новгородского софийного сценария славянского миссионерства.

В отличие от язычества, православие не могло открыто и непосредственно пользоваться натуроморфными символами для донесения своей идейной доктрины, поэтому, как правило, здесь начинают доминировать имагинационные, персонифицированные мифологии, указывающие на роль индивидуального начала в становлении православной общины и русского духа. Например, в житийной литературе женские персонажи преемственно символизировали многочисленные формы языческого поклонения природе, плодородию и Матери-Земле; специфически сублимировались сначала в культ Святой Жизни, понимаемой как сверхчеловеческое состояние, а затем и в образы Богоматери и святой инокини, как «невесты Христовой». Так формируется образ женщины-матери Русского Средневековья, который складывается, по мнению Ж.Д. Гроссмана, под воздействием церковного (ограничивающего) и народного (утверждающего самостоятельность и «самоценность женщины») направлений» [4; 5]. Об этом же мы косвенным образом узнаем из сетований Кирика Новгородца, который рассказывает о все еще сохраняющихся, особенно на бытовом уровне, языческих матриархальных практик, весьма далеких от аскетических христианских идеалов и правил поведения: «еже дети возболят», матери их к «вълхвам несут, а не к попови на молитву» [6-8].

В то же время И.Худякову, на основании анализа летописных источников, удалось ввести типологию, относящуюся к образам женщины в социокультурных практиках Древней Руси и Московии. Отталкиваясь от фольклора, церковной литературы и летописей, он указывает на три наиболее распространенных в древнерусской традиции женских портрета: «поляница», «злая жена» и «пользовавшаяся большей свободой правительница» (Марфа, Софья Витовтовна и т. д.) [9].

В то время как святые жены и инокини теперь символизировали жертвенное материнство, мужественную защиту и мудрый совет, духовное наставничество, подвижничество и учредительство (то, что в языческие времена ассоциировалось в отцовской и мужской доблестью), образы обычных женщин воспроизводятся в традиционных смыслах. Не случайно в житийной литературе наивысшей похвалы удостоиваются многодетные матери, поскольку, видимо, обилие детей указывает, с одной стороны, на природную плодovitость женщины-матери, а с другой, на ее стремление заселить окружающее социальное пространство своими потомками, каждый из которых, так или иначе, несет в себе частичку ее материнской заботы и мудрости. Многодетность для обычной женщины в Древней Руси является признаком ее социальной и личностной состоятельности, а также некоторой меткой женского Священства, уходящего корнями в языческие представления о сакральности плодоносящей Природы. И если мужская святость связывается, в основном, с социальной активностью в преобразовании себя и окружающего мира, то образы святых жен и инокинь в Древней Руси продолжают по старинке ассоциироваться с приумножением самой Жизни в ее физической и одухотворенной формах. Такими примерами являются полоцкая княгиня Рогнеда, сестра Ярослава Мудрого Предслава; Мария Добронегга, жена польского короля Казимира I; Анна Новгородская, жена Ярослава Мурого; Анна Ярославна, жена корля Франции Генриха I; Гертруда-Елизавета, жена Изяслава Ярославича и т. д. [10]. Высокий социальный и духовный статус женщины в Новгородских землях не был секретом даже для Европы. Так, побывавший в 1413 г. в Новгороде фландрский рыцарь Гильбер де Лануа отмечал, что здесь женщины носят диадемы на головах, как у святых, что свидетельствовало об их свободе и повсеместном общественном признании.

Архетипическая, матриархальная детерминация как в Новгородских землях, так и на других территориях Древней Руси повсеместно выражалась, в отличие от этактистских, патриархальных традиций Западной Европы, в повседневных практиках русского человека, а также в особенностях организации хозяйственной, культурной и социально-политической жизни. Поэтому не случайно Н. Пушкарева, рассматривая историю Древней Руси, замечает по этому поводу следующее: «Мы нередко сетуем на то, что древнерусские женщины были ограничены “узким кругом домашних интересов”, но забываем, что это восприятие сегодняшнего дня. В условиях же средневековья с характерным для него господством личного, натурального хозяйства именно дом был основным жизненным

пространством человека. Здесь под влиянием женщины-матери формировались взгляды подрастающего поколения, и потому адресатом многих поучений церковников, касающихся воспитания “чад”, являлась именно мать» [11. С. 96].

Древнерусские документы также свидетельствуют о том, что женщина-мать выступает и в качестве учителя, воспитателя, прививая внимательность, послушание и пытливость к знаниям. Например, в летописных источниках постмонгольского периода, когда роль женщин и в семейной, и в политической жизни Древней Руси особенно возросла, упоминается и княгиня Ксения – дочь новгородского боярина Юрия Михайловича, жена тверского князя Ярослава Ярославича (1263 г.), которая принимала активное участие в воспитании великого князя Михаила Ярославича, а также в непосредственном управлении самим Тверским княжеством.

Поэтому с полным правом можно говорить, что монахини, святые жены, поляницы, злые жены, княгини и боярыни и т.д. – это полноценные символы архетипа Матери, сублимирующие определенные исторические контексты, зафиксированные в некоторых культурно-религиозных универсалиях, функционирующие уже не столько в плоскости социально-политической семантики архетипа Матери, сколько позволяющие определить онтологическое значение материнства как природной формы реализации святости. В подтверждение этого можно вспомнить феномен «полоцкого матриархата», отраженного, в частности, в найденных в Новгороде и Полоцке сфрагистических материалах. Как известно, Новгород был мощным культурно-религиозным и политическим центром громадной (даже по современным геополитическим меркам) территории. По преданию, ему покровительствовала Небесная София, Премудрость Божия, поэтому Новгород и София для новгородцев – это неразделимые понятия. Эта идея, безусловно, уходит корнями глубоко в прошлое и, несмотря на ее официальную связь с принятием христианства, она также вытекает из языческих представлений о священности Земли и олицетворяемого нею Женского начала. С.А.Маленко тоже отмечает наличие подобной тенденции. Он пишет: «Эта практика свидетельствовала о высокой чувствительности наших предков к архетипу “Матери”, взаимодействующего на социокультурном уровне с архетипом “Отца”» [11. С. 225].

Повсеместное распространение православия в данном случае лишь придает этому женскому символу более универсальный, соборный контекст. Священный статус Новгородской Софии обеспечивается ее связующей ролью между собственно землей, на которой живет человек, и небом как пространством Божественного. Примечательно, что политическая реанимация легендарных Житий в XV–XVI вв. является попыткой, хотя отчасти и бессознательной, восстановления постоянно разрушающегося баланса архетипических компонентов сознания и культуры: между мужским и женским, Земным и Небесным, индивидуальным и коллективным, языческим и христианским, соборным и державным.

И это вполне объяснимо, поскольку образованность и грамотность для не только состоятельных, но и обычных женщин была весьма распространенным явлением. Известно, что дьякон Григорий, который переписал Остромирово евангелие (XI в.), в предисловии пишет о том, что преподносит эту книгу не только новгородскому посаднику Остромиру, но и его «подружиям», не только чадам, но и «подружиям чад» (невесткам). А жена одного из новгородских аристократов заказала писцам книгу для церкви Иоанна Предтечи на Опоках в Новгороде.

Знания и жизненный опыт русской женщины становились условиями активного использования их интеллектуального потенциала в общественной и культурной жизни княжеств и земель Древней Руси. Первая Новгородская летопись также укрепляет наши размышления о значительной социально-экономической и политической роли женщин в Новгородской республике. В тексте присутствует упоминание о том, что целый ряд знатных женщин участвовали в организации строительства храмовых сооружений. Безусловно, это требовало достаточных денежных сбережений и духовной воли. Среди таких женщин была, например, жительница Новгорода «Жиروشкина дъчи» Полужая Городщица (XII в.).

Это было возможно лишь при условии, что, как утверждает Н.Л.Пушкарева, тогдашнее «общество отнюдь не ограничивало их детельность» [12. С. 69]. Так, известно, что Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах (XIII–XIV веках) был создан при участии «княгини Всеволожей». В этом документе она сравнивается с самыми влиятельными новгородцами – старостами и сотскими, что свидетельствует о неоднократном участии княгинь в законотворчестве и является «показателем высокого уровня развития социально-правовой, культурной и государственной системы Древней Руси» [12. С. 21].

Политическая история Новгорода доносит до нас и другие интересные факты. Например, «к крестному целованию на верность великому князю московскому в 1478 г. были приведены не только бояре, житьи люди, купцы, но и жены и вдовы боярские» [12. С. 52]. А Мария Ярославна стремилась активно воплощать в жизнь политику объединения Русских земель. Об этом свидетельствует дьяк Стефан Бородатый, который служил при ее дворе и был отлично информирован обо всех явных и скрытых сторонах новгородско-московских отношений. Примечательно, что именно ему было доверено в 1471 г. сопровождение сына княгини в походе на Новгород Великий. Также Стефан убедил Ивана III в том, что за все прошлые измены новгородцев их необходимо наказать и утвердить окончательное «право» московского князя распоряжаться всей новгородской вотчиной, включая назначение должностных лиц, реализацию фискальных дел и руководство военной политикой.

Проведенный автором феноменологический анализ многочисленных исторических свидетельств с полным правом позволяют ему сделать вывод о наличии безусловной матриархальной доминанты в древнерусской ментальности. Она сформировалась в результате характерной, в том числе и для Новгородской земли, непротиворечивой взаимосвязи исконного языческого и более позднего православного представления о женской святости, в котором образы Природы, Женщины, Матери, Родины, Церкви, образуют этапы последовательные этапы обретения Соборности как символической проекции архетипа Самости. «Материнский» символизм оказывается вечно актуальным в силу того, что представляет архетипическую идею вечно творящейся и возрождающейся природы, о чем неоднократно упоминает и В. Топоров [13], также фиксирующий наличие этой тенденции.

Однако и то, что выпестованный многовековой историей как Древней Руси, так и Новгородской республики софийный «материнский» символизм продолжает активно транслироваться и в современной культуре; и, независимо от того, под каким идеологическим либо медийным «соусом» он сегодня бы ни подавался, – говорят о том, что в его основе находится удачно найденная архетипическая схема, актуально воссоздающая предвечную модель символической гармонии Неба и Земли, Божественного и Человеческого, Материнского и Отцовского. Таким образом, изначально складывавшиеся духовные практики Древней Руси и Новгородской республики позволяют зафиксировать наличие действенных социокультурных факторов, которые изначально определили стратегии развития русского общества на столетия вперед. Женская и материнская доблесть, ум, энергичность, смелость, мужественность, решительность, непреклонность, твердость характера и сила [12. С. 67] стали неотъемлемыми чертами русской святости. А среди наиболее значимых ментальных факторов формирования русской идеи автор особо выделяет магистральную установку на реализацию «материнского» начала в становлении славянской коллективности как уникальный сценарий символизации архетипа «Матери» в пределах Новгородской земли.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №16-13-53001 («Материнский» Новгород и «отцовская» Москва: драма софийного и имперского начал в русской ментальности).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маленко С.А. Архетипические образы и родовая среда осуществления сознания: монография. Великий Новгород: ИПЦ НовГУ, 2006. 207 с.
2. Некита А.Г. Социальное за-бытие архетипа: аналитика и механизмы функционирования: монография. Великий Новгород: ИПЦ НовГУ, 2006. 217 с.
3. Федотов Г.П. Русская религиозность. Часть 1. Христианство Киевской Руси, X–XIII вв. // Федотов Г.П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 10. М.: Мартис. 2001. 382 с.
4. Орович Я. Женщина в праве (с приложением всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола). С-Пб.: Изд-во Я. Канторовича, 1895. 324 с.
5. Синайский В.И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве: статья / В.И. Синайский // Ученые записки Юрьевского университета. 1910. № 10. С. 177-217.
6. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949. № 110, 250, 256.
7. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 61, 98.
8. Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV вв. М., 1966. – № 8, 14, 15, 18, 30, 35.
9. Худяков И.А. Древняя Русь: [Исторический очерк древнерусской жизни до Петра Великого]. СПб.: «Рублевое о-во» Г. Лопатина и Ф. Волховского, 1867. 263 с.
10. Морозова Л. Великие и неизвестные женщины Древней Руси: монография. М.: Астрель, 2009. – 544 с.

11. Некита А. Драма русской ментальности: методологические заметки к проблеме: глава в коллективной монографии // Человек пожин(р)ающий: смыслы культуры в д(р)епрессивных трендах цивилизации. Великий Новгород: НовГУ, 2016. С. 225-234.
12. Пушкарева Н.Л. Женщины в Древней Руси: монография. М.: Мысль, 1989. 286 с.
13. Топоров В.Н. Первый век христианства на Руси // Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. М.: Гнозис – Школа «Языки русской культуры», 1995. 875 с.

Поступила в редакцию 16.11.16

S.A. Malenko

**PAGAN AND ORTHODOX SYMBOLIZATION OF THE MATRIARCHAL IMAGES OF HOLINESS
IN THE NOVGOROD SOPHIANIC MENTALITY**

The article is devoted to the study of the evolution of Russian mentality from pagan prototypes to more mature, orthodox ideological forms. It is proved that the interaction of these spiritual dominants leads to conflicts only at the level of mature institutional practices. At the same time, they have a deep kinship, on the basis of which the author was the first to reveal the archetypal principle of the spread of Christianity in the Ancient and Medieval Russia. It is expressed in the aggregate of concepts and cultural practices related to matriarchal principles of the Russian mentality. Slavic collective spirit has always gravitated toward the symbolic phenomenology of archetype "Mother," both in formal and in everyday areas. In this sense, the unique historical and cultural experience of the Novgorod Republic demonstrates the social and cultural advantages of the traditional pagan attitude towards women, earth and nature. After the adoption of Christianity, these mindsets are transformed into veneration of Sophia Wisdom of God.

Keywords: archetype, symbolization, mentality, Mother, sophianic, holiness, paganism, Orthodoxy, matriarchy.

Маленко Сергей Анатольевич,
доктор философских наук, профессор кафедры
теории, истории и философии культуры
ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого»
173003, Россия, Великий Новгород,
ул. Большая Санкт-Петербургская, 41
E-mail: olenia@mail.ru

Malenko S.A.,
Doctor of Philosophy, Professor at Department
of theory, history and philosophy of culture
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
B. St.-Petersburgskaya st., 41, Veliky Novgorod,
Russia, 173003
E-mail: olenia@mail.ru